

Філософія

УДК 115.4+140.8+130.122

Гижа Андрей Владимирович
кандидат философских наук, доцент

ЭКСПЛИКАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РАКУРСЕ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ СОВРЕМЕННОСТЬ: ЧТО ЗНАЧИТ "СОВРЕМЕННЫЙ"?

В статье рассматривается концепт "современность" как центральное звено понятия времени, выявляемое в социокультурном и онтологическом контексте в единстве с определением типа рациональности эпохи. В таком подходе заключено продолжение проблемного хайдеггеровского анализа сущего с позиций раскрытия его темпорального характера.

Ключевые слова: *время, современность, вечность, сущее, рациональность.*

Временные характеристики человеческого бытия были выделены Хайдеггером как фундаментальные и определяющие его аспекты. Таким образом, рассмотрение вопроса о сущем, возобновленном и вновь поставленном в эпохальном труде "Бытие и время", предваряется необходимостью понятийного развертывания темпоральной конкретики. Хайдеггер проводит эту работу с критической опорой на определенные фрагменты историко-философского прояснения данной темы.

Целью статьи является продолжение хайдеггеровской интенции путем выделения и разработки существенного звена временной тематики, заключенного в понятии современности, которое, за редким исключением, до сих пор не получало должной оценки и внимания со стороны философской мысли и не стало предметом именно понятийного рассмотрения. Однако его актуальность не подлежит сомнению, поскольку именно в его категориальной отчетливости явно выражается специфика факта экзистенциального присутствия индивида, заключающейся в принципиальной и неустранимой двойственности его природы: не все в человеке суть человеческое и, соответственно, не все в современности современно.

С темой времени нерасторжима та или иная трактовка рациональности как формы строгой логической мысли. Таким образом, для последовательного рассмотрения феномена темпоральности бытия необходимо сопряжение с раскрытием природы и сути самого способа раскрытия темы, т.е. требуется выход на параметры метафилософского исследования. Ответ на вопрос о современности равнозначен ответу на вопрос о характере рациональности эпохи.

В ситуации общей непроясненности структуры и места понятийного содержания термина "современность" требуется проведение его аналитического рассечения с одновременным синтезирующим включением в общий контекст временной тематики.

Способ конкретизации разрешения этой задачи заключается во включении в ее рассмотрение социокультурного разреза в имманентной смысловой связи с первоначально заданной онтологией времени в историко-философской традиции греческой мысли.

Современность в философской литературе выступает в подавляющем большинстве случаев не проблематично, не как понятийное содержание, находящееся под вопросом, а вполне обыденно, как синоним того, что является "нынешним", существует "сейчас" в тривиальном календарном значении. Это хорошо видно, например, из таких последних работ как [4; 6]. И в указанном труде Хайдеггера продолжал звучать тот же бытовой мотив: ""Прошло" означает здесь, во-первых: уже не налично, или также: правда, еще налично, но без "воздействия" на "современность"" [7, § 73]. Современность и здесь суть простое наличное положение дел.

Понятно, что представление о понятийной неоднородности современности в этих вариантах исследований способно усилить степень их конкретизации.

Отметим диссертационную работу Апытина А.В., посвященную именно понятию современности, где он закономерно и уместно ставит вопрос о ней как центральный: "Ссылки на языковые модальности экспликации "разделённого времени" (разделённости во времени – in essey) упираются в один простой вопрос: как найти в современной эпохе то, что задаёт ей самую определенность современного" [1].

Тема времени, в явном виде поднятая Платоном, получает свое первоначальное раскрытие через соотнесение времени с его прообразом, с вечностью. В диалоге "Тимей" Платон пишет: "...он замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; устроил небо, он вместе с ним творит для

вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы называли временем" [3, 37d-e].

Вечность как иное времени обрисовывает понятийно-образный фон, позволяющий наметить постановку и пути решения/конкретизации двух задач. Во-первых, возникает возможность выделить само эскизно-абстрактное содержание времени, являющееся его собственным понятийным самогенерирующим смысловым элементом. Иными словами, метафорой Платона задан горизонт такой последующей направленности мышления (о) времени, который позволяет естественным образом, т.е. в своей собственной логике внутреннего слова, связать бытийные аспекты человеческого присутствия с предельными характеристиками Универсума. И, во-вторых, во фрагменте, примыкающем к исковой метафоре, показан принципиально нестыковочный, онтологически различный характер времени и вечности. Платон подчеркивает, что терминология, описывающая время, не может быть отнесена к уяснению сути вечности: ""было" и "будет" суть виды возникшего времени, и, перенося их на вечную сущность, мы незаметно для себя делаем ошибку" [3, 37e]. Далее он показывает, что в обыденном представлении совершается и обратный перенос смыслов с понимания вечности, понятой как "есть", на временные сущности, части времени, трактуемые также через "есть": "мы еще говорим, будто возникшее есть возникшее и возникающее есть возникающее, а имеющее возникнуть есть имеющее возникнуть и небытие есть небытие; во всем этом нет никакой точности. Но сейчас нам недосуг все это выяснять" [3, 38b].

Таким образом, в исходном образном суждении Платона заключены оба необходимых основания, онтологическое и эпистемологическое, для последующей продуманной и обоснованной трактовки времени. Причем заметим, что мыслитель определенно указывает на связь времени и числа, т.е. выделяет именно тот аспект смыслового содержания времени, который будет подчеркнут Аристотелем. В свою очередь, Аристотель в хайдеггеровском анализе темпоральности бытия станет ключевой фигурой, но мы видим, что уже у Платона есть существенные предваряющие моменты, достаточно определенно выраженные в платоновой интенции времени и вечности.

У Аристотеля значительное усиление получает логико-дескриптивная компонента анализа, и сугубо рациональный, терминологически-детализирующий подход становится, мало-помалу, детерминирующим в западной традиции не только философской, но и в целом общественной мысли.

Ныне мы можем с уверенностью заявить, что характерная черта современного человека – его рациональность. Не определяя пока саму рациональность, тем не менее, можно утверждать, принимая это положение в качестве постулата: современный человек рационален. Конкретизация этого положения заставляет задать предваряющий вопрос: что значит – современный? Пояснив это, мы определеннее и конкретнее отнесем к его искомой характеристике. Обе они, таким образом, взаимосвязаны, и в перспективе их предполагаемое единство, усиленное до прямой тождественности, выглядит началом философской темы связи времени человека и его мышления. Наш вопрос, таким образом, звучит о современности, таково начало понимания времени человека. Одни при этом стремятся попасть в современность, другие столь же последовательно стараются ее преодолеть – см. характерное название статьи В.К. Кантора [2].

Утверждение простого совпадения с календарным временем, безлично и равномерно текущей хронологией для понимания современности как специфически особенного содержания нам, по-видимому, мало что дает. Это буквальное прочтение слишком формально, оно не выделяет в общем содержании переживаемого настоящего, длящейся эпохи собственно "современное", не отличает его от "несовременного" или "несвоевременного". Одного пребывания в настоящем мало – если бы все сводилось к налично данному, то термин "современность" был бы излишен: все реально существующее и считалось бы современным.

Современный по своей точной сути – это отвечающий на вызов времени, не прячущийся в прошлом, в воспоминаниях и не ускользающий в мечтаниях в будущее. Современное выражает существенное времени, оно – уместное, ко времени, следовательно, и зависящее, на первый взгляд, от него, т.е., в конечном итоге, суть временное. Но как сугубо временное оно нас не могло бы заинтересовать, ничего, кроме случайности и произвола там бы не оказалось. Однако современное не есть случайное, оно, как сказано, существенно. Существенное времени находится за его пределами, оно вечно и универсально-неизменно, и мы приходим к парадоксальному выводу: во времени нет времени (временности). Современность, следовательно, также универсальна, она вне текущей хронологии. Здесь мы определенно встречаем черту времени, изначально выделенную Платоном в "Тимее" – его смысловую сродственность, образность по отношению к вечности.

Вызов времени определяется не внешними преходящими и изменчивыми факторами, он несет в себе постоянное ядро фактически одних и тех же требований к субъекту, оказывая на него, тем самым, постоянное экзистенциальное "давление". Коль скоро субъект воспринимает нечто как вызов, от которого он не вправе уклониться без потери своей основательности, мы характеризуем это нечто как собственную природу субъекта, которая хочет в нем открыться и реализоваться. Экзистенция времени (экзистенциальное время) выражает человечность, для субъекта пока скрытую.

Современность может быть понята как достижение полноты времени в каждое переживаемое и проживаемое мгновение, это удерживаемая и сосредоточенная бытийность.

Современное, таким образом, есть то, что преодолевает разорванность физического времени, его абстрактность, мнимость и беспредметность, преобразует отвлеченную физическую хронологию во время экзистенциальное и конкретное. Полнота времени (бытия) понимается как состояние субъекта, удерживающего свою цель в "сейчас". Полнота бытия обеспечивается постоянным присутствием цели как уже достигнутой, осознанием того, что все выполнено и совершено, поскольку нет иного времени, кроме "момента" настоящего. Цель и "сейчас" необходимо совпадают, так рождается реальное экзистенциальное время. Оно никуда не торопит субъекта, но требует от него полного осознания, которое само является самым действенным побудительным мотивом и стимулом.

Выпасть из своего времени – значит увлечься внешней, природной, вещной стороной бытия, стать частичным. Частичность восполняет принципиальную абстрактность обращением к другим частностям и так без конца – суммированием и увеличением себя она хочет достичь цельности существования.

Укорененность цели в "сейчас" означает отсутствие "расстояния" до нее, которое в физическом времени образует пустоту и дискретность пребывающего: ожидание достижения обуславливает неполноту имеющегося. Когда цель зафиксирована в экзистенциально проживаемом "сейчас" нет никакой несделанности, и при этом реализуется практика активного недеяния. Если же индивид ждет (и пока он ожидает), он находится в нетерпении и не воспринимает должным образом окружающее, он в какой-то степени лихорадочен, суетен и, следовательно, до конца не объективен. То, что есть – для него недостаточно, цель еще не достигнута и бытие не обрело своего завершения. Однако это не внешняя недостаточность, а его личная неполнота и несовершенство.

Имея в виду это сущностное содержание термина "современный", следует так рассмотреть рациональное мышление, чтобы в нем также можно было выделить продуктивно-универсальную компоненту, отделив ее как от узко понятой рациональности, от исторически конкретной и частной формы ее воплощения, так и от своей внешней видимости, которая универсальна, но непродуктивна.

Если современное представлено универсальной вневременной совокупностью требований (их основная черта – требование к индивиду быть), то эта ситуация должна быть человеком осознана. Вне осознанности бытие человека не присутствует для него. Речь идет о человеке не вообще, а относящемся к европейской культуре (или культуре европейского типа). Он не может просто действовать, опираясь исключительно на традицию. Ему необходимо осмыслить свое положение в социуме и принять самостоятельное и ответственное решение по поводу мотивов, целей, условий предпринимаемой деятельности, сделать выбор. Выбор предполагает сомнение и колебание, субъект не уверен с самого начала, что ему сто́ит предпочесть.

Современность, вообще говоря, присуща западной традиции, именно европеец может быть или не быть современным. Ведь именно европейская историческая традиция формируется как реакция на разного рода вызовы, приходящие не только извне Европы, но и рождающиеся внутри ее. В особенности этот фактор проявляется, начиная с периода Великих географических открытий. Но вот что характерно: современность есть, в конечном итоге, определенная выключенность из календарно-бытового времени. Но восточные традиционные общества также осуществляют такую выключенность и, следовательно, вырабатывают собственную трактовку того, что значит быть. О незападном варианте современности пишет Р. Рзаева [5].

Таким образом, видим, что в одном календарном внешнем времени возможно наличие, по крайней мере, двух основных вариантов-проектов современности. Современность как концепт оказывается расщепленной на онтологически не совпадающие уровни, соответствующие качественно различной культурно-исторической практике общественного бытия. В первую очередь это касается, безусловно, известной цивилизационной дихотомии "Восток-Запад". Интересным образом этот вывод коррелирует с представлением о множественности моментов настоящего ("теперь") в зависимости от системы отсчета в специальной теории относительности Эйнштейна.

Предваряющее рассмотрение характера понятия современности позволяет перейти к вопросу о рациональности: какого рода рациональность характеризует современную эпоху?

Рациональность есть мышление в своей стихии. Когда мышление происходит, оно рационально. Это свободное и определяемое только собой, т.е. самостоятельно выработанным (или принятым) основанием, которое в своей свободе оказывается не чем иным как пониманием. Насколько адекватно мышление определяет свою самостоятельность, настолько оно последовательно и основательно в формулировке и развертывании своих положений, в проясненности и отчетливости используемых понятий с непрерывно прослеживаемой логикой рассуждений, становящейся логикой разумных вопросов и ясных, по крайней мере, для автора, ответов.

Вся история рациональности, вся философия есть поиск человеком несомненной реальности, которая обладала бы качеством безусловной очевидности. Поскольку искомая очевидность должна быть пропущена через сознание, то последнее работает над собой, становясь самосознанием и открывая для себя все более глубокую и новую очевидность. Но достоверность (реальность) может быть дана и внешним образом, без всяких поисков, и ей остается, в таком случае, только соответствовать. Последний случай мы не берем в рассмотрение, он – вне самостоятельной осознанности, он остается в чувственности.

Исторически ратио формируется с возникновением расчета. Однако не каждый расчет может быть вполне (т.е. осознанно) рационален. Например, первобытные охотники, загоняющие животное в заготовленную ловушку, действуют, несомненно, с расчетом, но эта расчетливость еще целиком из природного мира – стая волков также ведет преследование в оптимальном режиме, адаптируя общую программу преследования к условиям местности, времени года, характеру загоняемого животного. Все это не может быть записано в биокоде.

Для человека рациональность уходит, мало-помалу, с внешнего уровня упорядоченно-практических действий (это еще уровень своего рода природной рациональности) и начинает формироваться в области непредметной и не связанной прямо с вопросами непосредственного биологического выживания. Человеческая рациональность становится опосредованной и внешне может казаться не всегда понятной. Но это только потому, что она перестала быть исключительно внешней и поэтому может выглядеть не рационально.

Подлинная рациональность аналитична (в смысле Лейбница). Начало человеческой рациональности лежит в уясняемой справедливости распределения – продуктов, деятельности, привилегий etc. Распределение вообще есть область ратио, в материальном мире его основой является, как сказано, справедливость, а в идеальном, когда происходит распределение знаков и символов, основой является логичность.

Логичность выступает своего рода формой справедливости. Это провозвестие того, что справедливым будет утверждение о подчиненности физического времени экзистенциальному как абстрактному конкретному. Справедливость здесь становится синонимом истинности. Она есть такой изначальный и непререкаемый фактор, апелляция к которому способна поколебать любое человеческое установление. Нечто может быть истинным (в смысле – это истинно так), правильным, необходимым – но представляться несправедливым и это заставит усомниться в его декларируемой истинности и необходимости. Справедливость в высшей степени тавтологична, адекватна и соответственна: за заслуги или нарушения установленных норм следует соответственное воздаяние (во всяком случае, должно следовать).

Земным, посюсторонним носителем справедливости, как она понимается самим существующим индивидом, исходя из его собственных представлений, и которой он способен дать самостоятельную оценку, является торговля. Именно торговле, процессу эквивалентного обмена товаров и услуг присущ тот плодотворный тип расчетливости, на базе которого исторически возникнет и будет функционировать впоследствии примерно до середины XX в. самоопределяющееся мышление. Эквивалентный обмен рождает понятие равного, равенство (совпадение, единство) и есть собственная мера (условие) мышления. Субъект остается при этом в рамках тавтологии, перераспределения наличного материала и это является кардинальным условием его устойчивости и силы.

Почему так? В перераспределении субъект способен стать созерцающим и отстраненным, самодостаточным, по отношению к которому творчески-деятельное отношение выглядит, в целом, подчиненным, рождая ощущение недостаточности имеющегося. Созерцающий индивид уподобляется всей бесконечной Природе, ни в чем внешнем не нуждающейся для своего функционирования.

У патриархального человека, живущего в устоявшемся укладе, расчет отсутствует. Он живет циклично, по традиционной схеме, повторяя принятые устойчивые модели поведения и реакции на внешние обстоятельства, которые также повторяются. Такой человек не рационален, он еще не субъект деятельности, но он и не иррационален. Он вообще пока не входит в пространство мысли. Он находится вне собственно мышления как процесса незавершаемого понимания, живя по привитым социальным и традиционалистским инстинктам. Заботы его повседневны и обыденны, он – в круге фиксированных обязанностей и полностью ими определен. Его рациональность (мышление) проявляется в акте тотального самоустранения, веры и необсуждаемого принятия собственной обусловленности кругом хозяйственно-воспитательных забот. Ему все известно и понятно, его рациональность завершена и пройдена, мир его полностью предсказуем и объясним.

Именно к такой абсолютной ясности стремится рациональное познание, конструируя замкнутые объяснительные циклы. Одновременно и сама рациональность есть такая непрерывная понимающая замкнутость.

Какого рода рациональность характеризует нынешнюю эпоху? Исчисляющая, рассчитывающая, техническая, программирующая. Что в ней общего с любой формой ратио? Стремление к эффективности, к достижению цели наиболее коротким путем. Стремление действовать эффективно, с минимальными затратами достигая максимальный результат, мы оцениваем как рациональность действия, выступающая здесь как экономность усилий. Где человек хочет строить свою деятельность результативно (на охоте, в процессе труда, в общении с богами etc) – он утверждает рациональность.

Но... она же его и подводит! Желание достичь цели непременно, осознание, что цель находится вне его обладания, влечет забвение самого себя, беспокойство и неустойчивость, внутреннюю неудовлетворенность и раздвоенность, укорененность в эмпирическом времени с постоянно ускользающим основанием.

Кроме того, здесь есть, в предельном движении к завершающей и исчерпывающей тщательности расчета, для ратио возникает ловушка перехода в иное, в иррациональность и хаос. При этом

хаос будет восприниматься по сформировавшейся логической привычке мысли как управляемый, но это только видимость выродившегося понимания.

Замкнутость понимающего мышления обуславливает уяснение некоторой целостности объясняемого содержания, которую само же и производит. Здесь может быть проведена аналогия с замкнутой линией на плоскости, очерчивающей контуры фигуры и создающей, тем самым, целостный геометрический объект.

Целостность предполагает самодостаточность данного содержания, не нуждающегося для своего объяснения и существования ни в чем ином, а это и есть самозамкнутость. Такой подход изначально тяготеет к универсальному охвату всего сущего, для чего требуется задать общие условия вообще любого понимания, очертить стратегический план действий.

Формирующееся древнегреческое мышление начинается с утверждения понятия субстанции как первоосновы всего наблюдаемого и мыслимого многообразия, обладающей и функциями управления, и регуляции всего мирового круговорота. Вместе с тем, наличие субстанциального начала есть условие самого последовательного мышления. Мировое движение происходит циклично, все сущее вовлечено в этот повторяющийся процесс и в силу утверждаемой связности становится рациональным, само из себя, понятным. Эта философская рациональность совпадает с философской теологией, представлением о внеличностном Боге (у Аристотеля трактуемом как Ум). Мышление обнаруживает условия своей реализации, своей действенности – оно должно быть связным и последовательным, хотя эти связность и последовательность не всегда могут лежать на легко видимой поверхности. Таким образом, самоопределяющееся мышление очерчивает плоскость своего разворачивания в бесконечных пространствах Универсума, фиксируя границы человеческого бытия.

Но рациональность стремится не только к исчерпывающе ясному пониманию для себя, но и требует точной выговариваемости этого понимания. Данный принцип (требование доведения понимания до фиксации его в адекватном тексте) является аналогом естественнонаучного методологического принципа, связывающего продуктивность любого концептуально-теоретического построения с возможностью изложения (трактовки) его результатов на языке наблюдений, т.е. с их описанием в терминах эмпирически фиксируемой действительности. Понятое и ясно высказанное (ясность не тождественна очевидности и внешне может быть сколь угодно сложной) определяет мир человеческого присутствия, а поскольку этот процесс реализуется в соответствующем языке, то язык, в конечном счете, формирует онтологию нашего мира, само бытие.

Рациональность, включающая в условия своего движения безбрежность не-сущего, обладающего неустранимой онтологической автономией, становится полной и разумной. Ее эпоха попадает в современность в действительном исконном смысле, как образ вечности, пребывающей, по Платону, в едином. Соответственно, в процессе восстановления деформированной и неполной рациональности, происходит снятие ее отчуждения, выраженное не в виде разделения процесса познания на субъект и объект, как может показаться, а в разобщенности с не-истиной, и, соответственно, не-сущим.

Действительное не-сущее становится источником и мотивом подлинного развития человеческого бытия, а весь мнимый иррационализм и хаос общественных отношений естественно устраняется из процесса истории как ненужный и отработанный материал.

Не-сущее есть то, что ускользает от охвата существующими способами познания. Не-сущее, таким образом, в своей бесформенности, текучести и неопределенности свободно, и наоборот – то, что поистине свободно, становится не-сущим. Современность и есть не охватываемая простым дискурсивным разумением форма этой свободы, достигшей масштабов всего общества.

Литература

1. Апыхтин А. В. Понятие современности: социально-философский анализ [Текст] : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11: РГБ ОД, 61:05-9/581/ Апыхтин Александр Владимирович. – СПб., 2005. – 199с. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.dissertcat.com/content/ponyatie-sovremennosti-sotsialno-filosofskii-analiz#ixzz2EjQwwNT>.
2. Кантор В.К. Необходимость "планки", или Преодоление современности (слово об отце) / В.К. Кантор // *Вопр. филос.* – 2012. – № 12 – С. 66-72.
3. Платон. Тимей / Платон // *Собрание соч.* в 4т. – М., 1994. – Т3.
4. Рахманинова М.Д. Кропоткин и Штирнер: современность как точка встречи анархизма / М.Д. Рахманинова // *Вопр. филос.* – 2013. – № 4 – С.99-111.
5. Рзаева Р.О. Дихотомия "Запад – не Запад" в дискурсе незападной современности и постмодерна / Р.О. Рзаева // *Вопр. филос.* – 2012. – № 12. – С. 86-94.
6. Чумаков А.Н. Философия в современном мире: диалог мировоззрений / А.Н. Чумаков, А.Д. Королев, А.В. Дахин // *Вопр. филос.* – 2013. – № 1 – С. 3-16.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / Хайдеггер М. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt>.

References

1. Apykhtin A. V. Ponyatie sovremennosti: sotsial'no-filosofskiy analiz [Tekst] : dis. ... kand. fil. nauk: 09.00.11: RGB OD, 61:05-9/581/ Apykhtin Aleksandr Vladimirovich. – SPb., 2005. – 199c. / [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa <http://www.dissertcat.com/content/ponyatie-sovremennosti-sotsialno-filosofskii-analiz#ixzz2EjQwwNT>.

2. Kantor V.K. Neobkhdimost' "planki", ili Preodolenie sovremennosti (slovo ob ottse) / V.K. Kantor // Vopr. filos. – 2012. – № 12 – S. 66-72.
3. Platon. Timey / Platon // Sobranie soch. v 4t. – M., 1994. – T3.
4. Rakhmaninova M.D. Kropotkin i Shtimer: sovremennost' kak tochka vstrechi anarkhizma / M.D. Rakhmaninova // Vopr. filos. – 2013. – № 4 – S.99-111.
5. Rzaeva R.O. Dikhotomiya "Zapad – ne Zapad" v diskurse nezapadnoy sovremennosti i postmoderna / R.O. Rzaeva // Vopr. filos. – 2012. – № 12. – S. 86-94.
6. Chumakov A.N. Filosofiya v sovremenom mire: dialog mirovozzreniy / A.N. Chumakov, A.D. Korolev, A.V. Dakhin // Vopr. filos. – 2013. – № 1 – S. 3-16.
7. Khaydegger M. Bytie i vremena / Khaydegger M. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt>.

Гіжа А. В.

Експлікація категорії часу в ракурсі проблематизації поняття сучасність: що означає "сучасний"?

У статті розглядається концепт "сучасність" як центральна ланка поняття часу, що проявляється у соціокультурному та онтологічному контексті у поєднанні з визначенням типу раціональності епохи. В такому підході закладено продовження проблемного хайдеггерівського аналізу суцього з позицій розкриття його темпорального характеру.

Ключові слова: час, сучасність, вічність, суще, раціональність.

Gizha A.

Explications of the category of time from the perspective of problematizing the concept of contemporaneity: what is "contemporary"?

The article views the concept "contemporaneity" as a central link of understanding of the time, which is revealed in sociocultural and ontological respective, in unity with the definition of the type rationality of era. There is an extension of problem of Heidegger's analysis of existence in terms of disclosure of its temporary character in this approach. We should take into account, that the answer to the question about modernity is the answer to the question about the character of era's rationality.

The concretization of posed problem is in including in its consideration of socio-cultural aspect in its inner connection with identified and approved ontology of the time in historical and philosophical Greek tradition. The contemporaneity in philosophic literature usually posed non-problematic, not as a conceptual content, which is questionable. It is perceived ordinary, as a synonym of "now". Heidegger's contemporaneity posed as a usual current state of affairs. Nowadays that interpretation is insufficient, because it doesn't allow us to move to problematic questions about the semantic heterogeneity of socio-existential time. Without the adequate definition of contemporaneity the comprehension of the nature of historical time is impossible.

Literal, purely philological interpretation of contemporaneity is so formal, it can't highlight the contemporaneity in the overall moment, and it can't distinguish from untimely.

Subject of contemporaneity, as it is, does not hide in the past and in the memory and does not escape to the future. Contemporaneity signifies the time, it relates with the time. Thus, at first glance, it depends of a time, so, eventually, it is temporal. But, as purely temporal, it can't interest us. There will not be anything but randomness or arbitrariness. However, the contemporaneity is not random, it is essentially. The essence of time is eternal and universally immutable, so we move to the paradoxical conclusion: there isn't time in the time (temporality). Thus, contemporaneity is universal too, it is out of chronology.

We can understand contemporaneity like an achieving fullness of time in every present moment, it's a concentrated beingness. Contemporaneity overcomes the fragmentation, abstractness and hollowness of physical time, converts an abstract physical chronology into existential specific time. We understand fullness of time as a condition of the subject, which keeps his purpose in the present. Fall out the time means to carry away the outer side of being, become partial. Partially fills the fundamental abstractness.

Contemporaneity is presented by universal timeless a set of requirements (basic requirement to subject is to be), so the situation should be recognized by a human. Thus, theme about the time is inextricably linked with the practice of rational thinking. That allows moving to the question about rationality: which rationality characterizes the modern era? It can be characterized as calculated, timed, and technically-programmed. Common with the rationality there is the pursuit of efficiency, achieving the goal by the shortest path. Desire to act effectively with minimal costs and achieve maximum results we apprise as a rational action, it acts as saving efforts there. Partially fills the fundamental abstractness reference to the other particulars – summing and increasing itself it wants to achieve wholeness of existence.

Contemporaneity is the form of social freedom, which is not covered by simple discursive comprehension, so that form of a freedom exceeds the personal ambitions and reaches the scale of whole society.

Key words: time, contemporary, eternity, existent, rationality.